

Рис. Ю. Ганфа.

инструкция

КРОКОДИЛА

на счет

оживления

ПРОФСОЮЗОВ

„Выявить новые силы для расширения профактива — задача дня“.

(Из профлозунгов).

Профессиональные союзы — „резервуар“ государственной власти. (Ленин).

— Экое дело... Шесть с половиной миллионов народу в котле, а навару мало!..

НОВЫЙ ВИД ПРОФЕССИИ.

Рис. Ю. Г.

— Ваша профессия?
— Я, товарищ Крокодил, предзавком с шестилетним стажем.

О ТОМ, ЧЕГО НЕ БЫЛО.

Разъяснение к § 2.

— Только ты возьми машину и скорее! Как можно скорее! Главное, — не дать этой нелепице совершиться, потому что иначе они упрутся... И надо же додуматься до такой штуки?!

Через пятнадцать минут взмыленный, запыхавшийся автомобиль, тяжело отдуваясь и отфыркиваясь, остановился у под'езда. Курин выскочил еще на ходу, спотыкнулся о порог, сказал — «о, чорт!» — и духом взлетел во второй этаж. Через минуту уже звенел его неистово пронзительный голос:

— Так разве же ж можно, товарищ? Вы хотите снять Подписова и перевести его на какую-то «другую» работу? Да разве же ж есть в этом смысл? Человек пять лет председателем губотдела, на нем вся работа держится, а вы для него какую-то «другую» изобретаете? Тогда уж лучше прямо об'явить весь союз распущенным, — все равно уж!

— Что? Выдвигать из масс? Ха, ха, и еще раз ха! А если никто из этих масс понятия не имеет о том, что такое союз? Когда половина их, небось, и не знает, в каком союзе она состоит? И эта масса, по-вашему, будет сама себе циркуляры писать, напоминания и все прочее? Она же будет отчитываться, вести культработу и заседать? Хорошенькое дельце!

— Как? Масса неподготовлена? А кто ее подготовит, когда вы работников снимаете! Это же ж недопустимое дерганье! Пять лет человек работает и вдруг...

— Тэк-с! Уже решено, говорите? Хорошо-с! Должен, товарищ, вам заявить, что губотдел снимает с себя всякую ответственность за состояние профсоюзной работы в губернском масштабе, да-с!

Дверь полупочтительно, полупроте- стующе скрипнула и стукнула. Курин мчался вниз по лестнице, как кот, которому к хвосту привязали пузырь с горохом, и внизу столкнулся со снятым Подписовым. Тиснул ему руку, кинул с надрывом — «прощай, товарищ! Мы тебя не забудем!» — вскочил в машину и крикнул — «назад!» Автомобиль охнул и пошел.

— К чорту! — заявил Курин с порога: — никаких резонов!

— Все-таки сняли?

— Окончательно и бесповоротно! Разве им втолкуешь? Поварились бы в нашему соку... Однако, товарищи, надо заседание правления состряпать. Кажется, все налицо? Секретарь, пиши протокол. Присутствуют... Так... Порядок дня:

доклад о международном и внутреннем положении, докладчик тов. Подписов...

— Его же ж сняли.

— А, чорт! Не ставь пока докладчика! Второе — об оживлении — докладчик тов. Подпи...

— Сняли же ж его...

— Да брось ты каркать — «сняли, сняли!» Говорю, не пиши докладчика. Третье — о перевыборах фабзавместкомов, докладчик тов. Подпис...

— Же ж его...

— Знаю, слышал! Не пиши. Четвертое: о перезаключении колдоговоров, докладчик тов. По... Закрой рот, знаю, что сняли, не вякай! Кажется, все? Да! Об общем собрании фабзавместкомов, докладчик По... Не надо докладчика. Все. Теперь дальше: председатель Под... Знаю, что сняли, пиши, говорю: председатель, — в скобках — почетный — Подписов! Секретарь — Тыкин. Так...

На местах без Подписова сами собой умерли фабзавкомы и месткомы, разбежались ревизионные комиссии, исчезла профтрудоdisciplina, тихо упала

производительность труда, остановилась культработа, заснула охрана труда и растерянно кончили свою деятельность растратчики. Были уволены без выходного пособия все рабочие и служащие, разразилось землетрясение и родился теленок о трех головах.

Курин торжествовал:

— А что я говорил?!

П. Владимиров.

ВСЕМИ НЕДОВОЛЬНЫ.

— Вы представить себе не можете, до чего склочная и кляузная у нас публика! Бесперывный поток всяких жалоб: в местком — на управление делами, в управление делами — на местком, в ячейку — на фракцию месткома, председателю месткома — на секретаря ячейки... А кто должен все это разбираться и распутывать? Один я!

— Почему ж это?..

— А потому, что секретарь-то ячейки — я. И предместкома — я же. И врид управдел — тоже я.

ДО ЧЕГО ДОВОДИТ НЕЗАМЕНИМОСТЬ.

Прекрасная иллюстрация к § 3-му раздела 1-го. Нашу инструкцию уже блестяще выполнил примерный предзавком тов. Тюриков из Москомхоза. Уезжая в отпуск на месяц, тов. Тюриков поручил свой пост ВЫШЕИЗОБРАЖЕННОЙ ДОЧЕРИ СВОЕЙ.

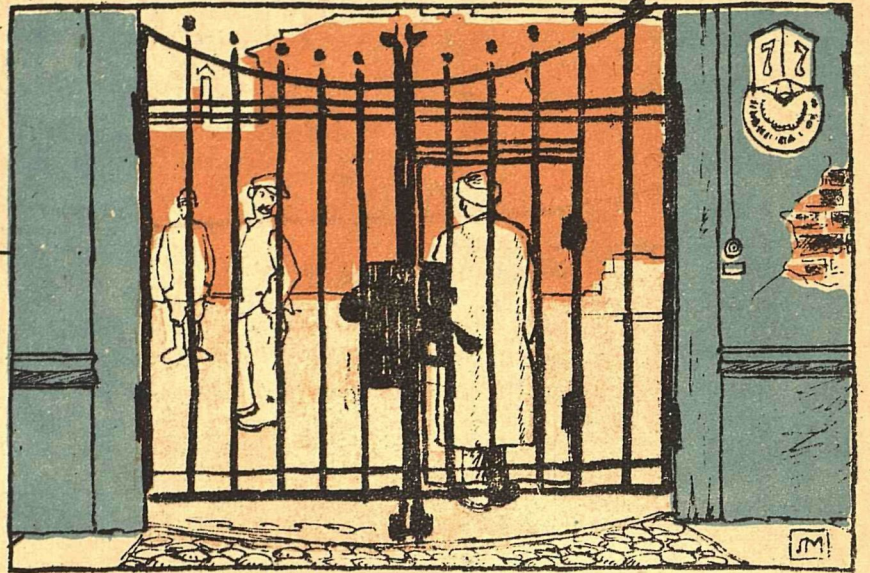
Всем профбюрократам предлагается поступать подобным же образом. За неимением дочки можно сдать пост двоюродной племяннице; «а если теща — то и теще».

РАЗДЕЛ II. О порядке оживления порядков собраний, о переназначении завкомов и вообще.

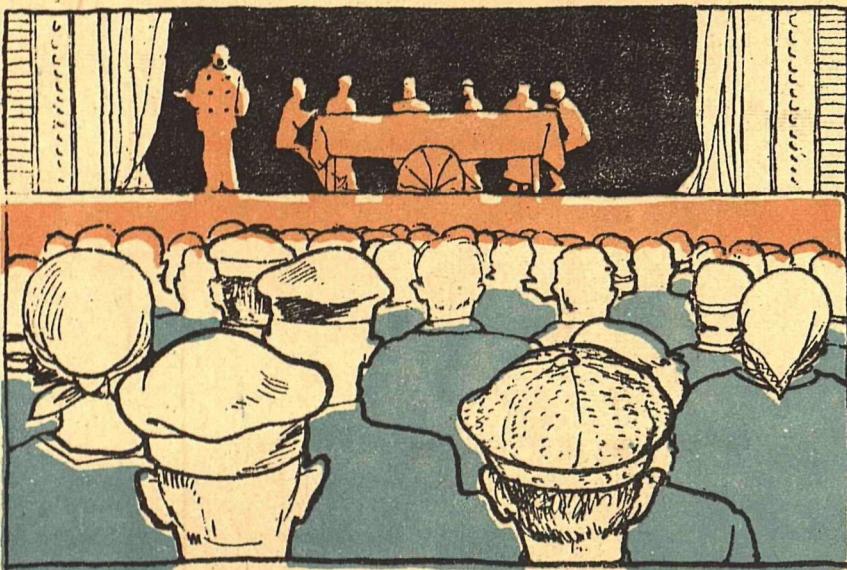
Рис. Л. М.

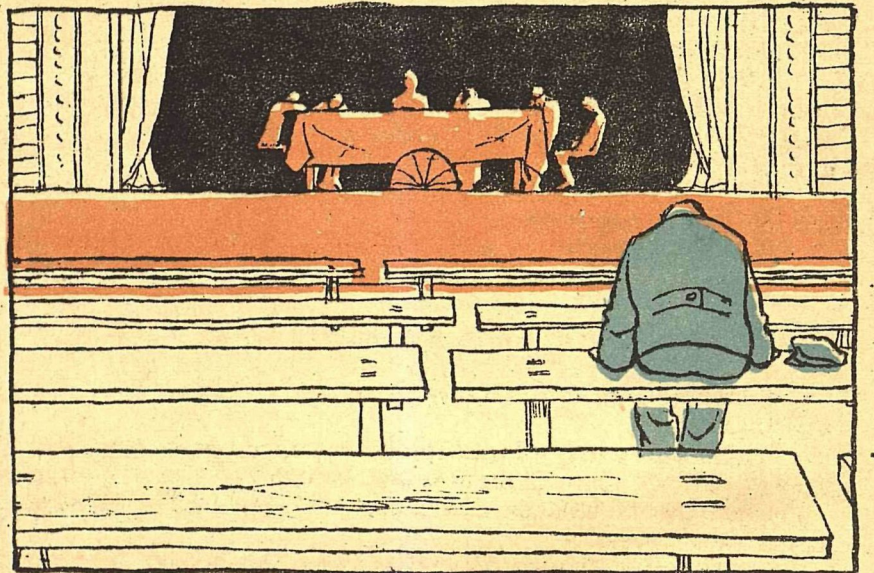
4. Накануне общего собрания старому фабзавкому следует заседать и составить список нового фабзавкома. Дабы не усложнять работы развитием бюрократизма, надо стараться, чтобы в список вошли только присутствующие. Новых людей вводить не рекомендуется, ибо они неопытны, и им будет трудно. Кроме того, они могут дезорганизовать работу всякими нелепыми новшествами, каковые нежелательны.

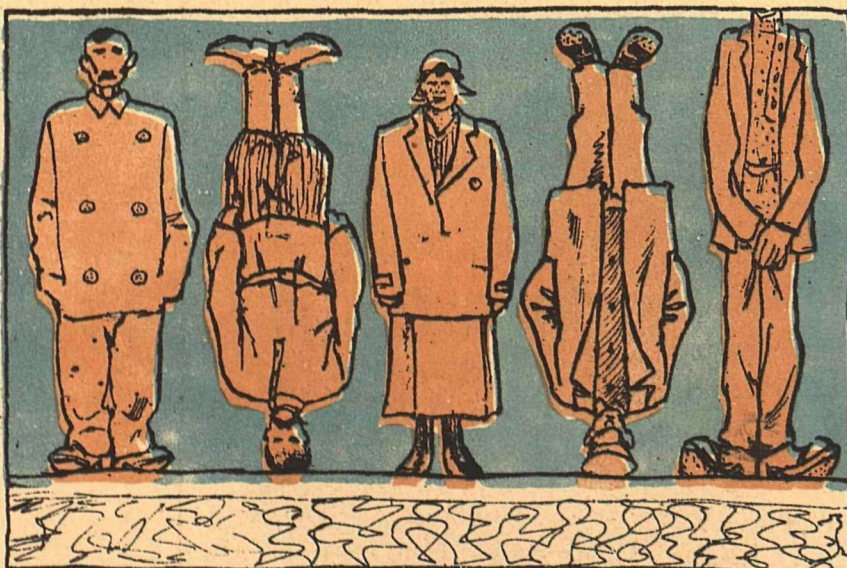
5. Перед собранием запереть ворота на улице и никого не выпускать. Народ у нас аховый, не понимает собственной пользы. Если его не запереть, то он весь может разойтись, — а как его оживишь в таком случае?

6. Собрание лучше всего начинать с опозданием не более нормального срока — 1 час. 15 минут. Перевыборы поставить не ближе, чем 14-м пунктом повестки. Первым пустить «Руки прочь от Китая», вторым — «от Бессарабии» и так далее по порядку. В зале курить. Перед выборами объявить перерыв и открыть ворота.

7. После перерыва огласить список кандидатов. Норовить голосовать целым списком и не допускать персонального голосования, каковое излишне, ибо всех кандидатов списка накануне персонально обсуждали.

8. Если из зала, к несчастью, внесут дополнительные к списку кандидатуры, то ни в коем случае не голосовать одного сверху, другого снизу, как того захочет собрание. Ибо в случае подобного ного- и голововерчения список завкома может провалиться. Надо плюнуть на все и голосовать сверху.

9. Таким образом, при соблюдении изложенных правил, проведение намеченного списка обеспечено. Со следующего дня новый фабзавком, с новыми силами, может приступить к новой работе. Состав его будет старый, как и требует профпрактика.

М. С.

РОКОВАЯ ОШИБКА.

Повестка дня была составлена по всем правилам профсоюзного искусства и гласила:

1. Доклад о международном и внутреннем положении.
2. Доклад об оживлении профсоюзной работы.
3. Отчет ячейки МОПР о проделанной работе.
4. Отчет ячейки Авиахима об историческом перелете Москва—Пекин.
5. Доклад шефской комиссии об очередных задачах.
6. Разное:
 - а) перевыборы завкома.

Вывешена была эта грамота за четыре дня до собрания. Рабочие читали, ругались, незлобивые тихо сплевывали и отходили молча.

В день и час собрания предзавкома тихо и радостно потирал руки, говоря секретарю:

— Видал-миндал? Наших шесть человек да посторонних двенадцать. Ежели международное и выдержит, то уж на оживлении плохо-плохо, а человека три уйдут! МОПР'ом штуки две вышибем,—уже почти поровну. Ужли-ж перелетом и очередными задачами остальных не вытряхнем? Не может того быть...

— Пьяных как-будто нет! — сообщил секретарь: — должны бы разойтись...

— То-то и оно-то! А там и выберем полегоньку.

— Товарищи, об'являю собрание открытым. Как повестка дня согласована и вообще, то считаю принятой. Слово для доклада по международному и а... э...х внутреннему предоставляется...

Председатель еще раз зевнул, зевнула и вся аудитория...

... Тихо и невнятно неслись непонятные никому слова, сладко дремал председатель. Докладчик кончил и ущипнул заснувшего председателя. Председатель вскрикнул, вскочил и пробормотал:

— Возражений нет, принято, слово для доклада об оживлении предоставляется...

И опять заснул. Докладчик авиахима не только ущипнул председателя, но и сказал ему тихо:

— Смотри.

Председатель глянул на зал, протер глаза, еще раз глянул:

— Свят, свят, свят! Никак, в глазах троеится? Народу-то побделело?!

И действительно, в зале народу сильно прибавилось. Шефская комиссия уже окончательно заполнила зал рабочими. Председатель обливался холодным потом и шопотом давал директивы своим:

— Эх, по списочку бы... Ну, да что ж, ничего не поделаешь! Вали, ребята, по углам и сразу выкликай всех нас! Пока они рты пораскроют, а у нас уже названы кандидаты! Пока голосовать, пока что, до ихних дойдет, а мы уже выбранные! Лупи во все концы!

Сначала выборы пошли гладко. «Свои» ребята дружно выкрикивали кандидатов, «чужие» тоже шумели, но их председатель писал только после «своих».

— Приступаем к голосованию. Кто за то, чтобы товарищ Оплетает, — это я то-есть — был членом завкома, прошу поднять руки...

— Позвольте, товарищ, как есть предложение к порядку!

— Ну?

— Чтобы голосовать одного снизу, а другого сверху. Так-то вернее будет!

— Это вы, товарищ, не по существу... — неуверенно протянул председатель.

— По самому по существу! Просим, просим!!!

Председатель криво усмехнулся и начал голосовать снизу и сверху, нервно вздрагивая при виде леса рук, поднимавшегося за «нижних» кандидатов...

... После неудачных выборов «свои» ребята справляли поминки по старому завкому и горько плакали, попрекая друг друга.

— А все-ты! А еще председатель... Чорт ты свинячий, а не председатель! Одумал — «сразу выкликай!» Вот те и выкликнули... Было б нам себя последними назвать. Видал, как последних-то выбирали...

— Не в том дело, братцы! — оправдывался председатель: — к концу они подошли, вот что! Было б нам сначала выборы, а под конец — международное! Они б к международному-то и пришли бы. Им абы к концу...

Вл. Павлов.

РАЗДЕЛ III.

Об инструкциях и циркулярах.

10. Руководство местными профорганизациями и связь центра с ними должны осуществляться исключительно в форме рассылки на места циркуляров и инструкций, написанных, по возможности, недоступным для широких масс языком. Последнее необходимо для того, чтобы в массы внедрялось почтение к мудрости профспециалистов, коей не могут постичь непосвященные.

11. По получении циркуляров и инструкций, места обязаны регистрировать их и подшивать к делу, каковое должно храниться в надежном и сухом помещении.

12. Местные низовые профорганизации должны всемерно воздерживаться от чтения статей по профвопросам, а равно писем высших союзных и партийных органов, печатаемых в газетах, дабы не впасть в кривотолки и превратные суждения.

ПРОФСОЮЗНЫЕ ПОСЛОВИЦЫ.

(К сведению и руководству. Циркулярно. Секретно).

СЛУШАТЕЛИ ОБ ОРАТОРАХ.

У Михайлы хайло, что твои звонкие трубы.

Кадык не велик, а реву много.

За твоим языком не поспеешь и босиком.

А лет до вечера, а слушать нечего.

Как станет городить — себя не помнит, людей забывает.

О СОБРАНИЯХ.

(Почему затягивают собрания).

Ночью все дороги гладкие.

О РЕВИЗИОННЫХ КОМИССИЯХ.

Знайку на суд ведут, а незнайка дома сидит.

!!!НА ЧЕРНУЮ ДОСКУ!!!

Величайшая редкость профсоюзной природы: председатель завкома, который читал письмо ВЦСПС от начала до конца. По скромности характера предзавкома просил сохранить его имя в тайне.

БАЛЛАДА О НЕИСПОЛНИТЕЛЬНОМ ЗАВКОМЕ, ПОШЕДШЕМ ВРАЗРЕЗ С ОЖИВЛЕНИЕМ.

В завком из губотдела
Пришло с бумажной «дело».
А на бумажке сей
Семнадцать подписей.
— К ИСПОЛНЕНЬЮ ТОЧНОМУ,
ОЧЕНЬ СРОЧНОМУ.
В виду постановления
Об общем оживлении
Заполнить просим эту
Анкету.

А анкета та
В тридцать три листа.
Восемь форм в анкете есть,
Шесть разделов,
Пять отделов
И вопросов триста шесть:
— Кто, когда и где родился?
Как крестился?
Как женился?
Как в союзе очутился?
Где, когда и как судился?
Если не был под судом,
То каким живет трудом?
Как живет он в общем - целом?
И накую ест еду?
И каким был занят делом
В девятьсот втором году?

Есть ли сын? И есть ли дочь?
И проч... И проч...

Взял анкету предзавком,
Проглядел ее мельком,
Написал входящий номер
И, вздохнувши, дерзко помер,
Прошептал в последний час:
— Это будет вам протест
С мест.
Да-с.

Про историю про эту
Мы не можем умолчать.
Кто же будет на анкету,
На анкету отвечать???

Вас. Лебедев-Кумач.

РАЗДЕЛ IV.

О взаимосогласованиях с администрацией.

13. Принимая во внимание интересы работы, должностующей проходить в обстановке спокойствия, необходимо всемерно избегать какого бы то ни было разграничения обязанностей фабзавместкома и администрации, ибо таковое может повести к спорам и даже к конфликтам.

14. Наилучшей организационной формой местных взаимоотношений, исключающей возможность осложнений, надлежит считать совместительство в одном лице: секретаря ячейки, председателя завкома и управделами (или распорядителя кредитами) предприятия.

ЗАВКОМЩИК НА РАСПУТЬИ.

Рис. Ив. Малютина.

— Направо поедешь—администрацию заменишь... Налево поедешь—администрация тебя заменит... Никуда не поедешь—бюро ячейки с'ест... А, ну вас к чортовой матери! Захватчу кассу да махну в Нижний!...

Рис. К. Р.

ТИШЬ ДА ГЛАДЬ...

Дверь в кабинет директора слегка приоткрылась. В щель выглянул сначала нос и ус, потом потное красное лицо, расплывшееся в улыбочку и, наконец, весь предзавкома оказался в директорском кабинете.

— Входите, входите, товарищ Шариков. С хорошим человеком и поговорить приятно. А у меня как раз время есть.

И директорская лысина закачалась и заблестела ласково и приветливо:

— Присаживайтесь, дорогой. Я сейчас и чайку велю подать. Ну, как жена? Поправилась после родов? Как сынишка?

Шариков расцвел:

— Спасибо. Дочка у меня.

— А, дочка! Правда, я и забыл. Да что вы хмуритесь? Дело у вас что-ли какое есть? Так выкладываете.

Шариков смущенно заерзал на стуле:

— Неудобно мне вас беспокоить, Иван Прокофьич... а приходится. Надбедаю я вам... уж вы простите...

— Да в чем дело-то?

— Неприятности тут разные... Согласовать бы кое-что надо... Вот, с помещением, например...

— С каким помещением?

— А с нашим, фабзавкомовским... В коридоре ведь работаем. Пустяки, конечно, а все-таки неудобно... Тут инструктор из союза приезжал. Вы, говорит, должны настаивать, должны, говорит — хе-хе! — с бою взять у администрации помещение... Неудобно как-то...

Директор сделал озабоченное лицо:

— Да, да... Вы правы. Конечно, мы должны что-то придумать. Кушайте бутерброд... Конечно, мы это устраним... Вот что! Переезжайте-ка вы пока в помещение клуба, а для клуба мы на досуге что-нибудь подыщем... А?

— Иван Прокофьич... Да ведь для клуба и так помещения мало. И эту-то комнату мы едва отвоевали.

— Ну, так я же и говорю, что для клуба помещение мы будем искать. А вы пока переезжайте туда. Идет? Ну, прекрасно! Еще стаканчик выпьете? Я позвоню!

Шариков зачем-то поболтал ложечкой в пустом стакане.

— Не беспокойтесь, Иван Прокофьич! Я сыт... Еще вот у меня тут делишки есть. Давайте уж, покончим все сразу.

— Давайте, давайте. Выкладываете!

— Вот, с колдоговором у нас не клеится... Сколько времени мы тянем, и никак не можем кончить...

— Так это же от вас зависит, товарищ Шариков!

— Как от нас?

— Надо быть уступчивее. Почему вы не хотите понизить расценки? Ну, почему?

— Иван Прокофьич! Я бы всей душой... Да ведь нельзя же. Ведь рабочие меня за это...

— А... бросьте вы! Это, милый, одна демагогия. Соглашайтесь, и договор завтра же будет подписан. Ну? А то и мне неудобно. Что это, скажут, за директор—колдоговор заключить и то не хочет. Еще в газету напишут — хе-хе! Уступите мне, а там, глядишь, и я вам при случае уступлю. А то какая же это будет согласованность?

Шариков отчаянно махнул рукой:

— Ну, будь по-вашему. Уж очень человек-то вы хороший!

— Давно бы так! А я вам за это, хотите, пять производственных совещаний подряд устрою. Сам буду доклады делать. Идет? Ну, что еще у вас там? Все?

— Н-нет... Еще хотел я насчет охраны труда. В сортировочном у нас прямо дышать нельзя. А уж про дубильное я и не говорю.

— Ну так в чем же дело? Вентилятор нужен? Да?

— Д-да... И вентилятор, и вообще в дубильном надо бы ремонт... и про одежду вот тоже.

— Ну, батенька! Вон вы сразу сколько наговорили! Я и сам знаю, что весь завод нам надо бы подновить, да нельзя пока. Средств нет. Понимаете? А вентилятор мы поставим. В канцелярии уже поставили, и в дубильном поставим. Всею своей черед. Так и рабочим скажите. Ну, все, что ли?

— Да, так как-будто... вроде как все...

— Ну, и прекрасно. Теперь, со своей стороны, я хочу вас попросить. Тут у нас предвидится небольшая заминка с деньгами. Обернуться нам надо. Придется попридержать зарплату. Так вы уж там поговорите. Уладьте, объясните. Во-

ТЕКУЩИЕ ДЕЛА.

Рис. К. Е.

— Товарищи, не расходитесь! Одиннадцатым вопросом стоит колдоговор. В виду позднего времени предлагаю принять без оглашения. Кто запротивоздержался? Один. Принято.

обще примите меры, чтобы недовольства не было. Ведь мы, так сказать, помогать должны друг другу.

И, встав из-за стола, директор подошел к Шарикову и дружески похлопал его по спине:

— Ведь вот—сколько мы?...— три года работаем — и у нас никаких трений не было. Ведь не было, товарищ Шариков, а?

— Я надеюсь, что и не будет, Иван Прокофьич!

— Я — тоже... Н-ну-с! А теперь мне уже пора ехать на заседание. Передайте привет вашей супружнице и сынишке.

— Дочка у меня, — подымаясь, осклабился Шариков.

На другой день рабочие узнали: о временном (впредь до постройки специального помещения) закрытии клуба, о снижении расценок, о том, что установка вентилятора откладывается в долгий ящик, о том, что зарплата будет задержана, и о том, что на будущей неделе предстоит три производственных совещания.

Вас. Лебедев-Кумач.

РАЗДЕЛ V.

О прохождении и составлении колдоговоров.

15. В виду того, что колдоговор подписываются администрацией и союзом, участие фабзавместкома, а тем более рядовых членов коллектива в их разработке и обсуждении является излишним и создающим ненужную волокиту.

16. Фабзавместкомом не вменяется, однако, в обязанность хранить содержание колдоговора в секрете, и колдоговор, по подписании его сторонами и зарегистрировании в отделе труда, может быть оглашен даже на общем собрании.

РАЗДЕЛ VI.

О правах и обязанностях членов союза.

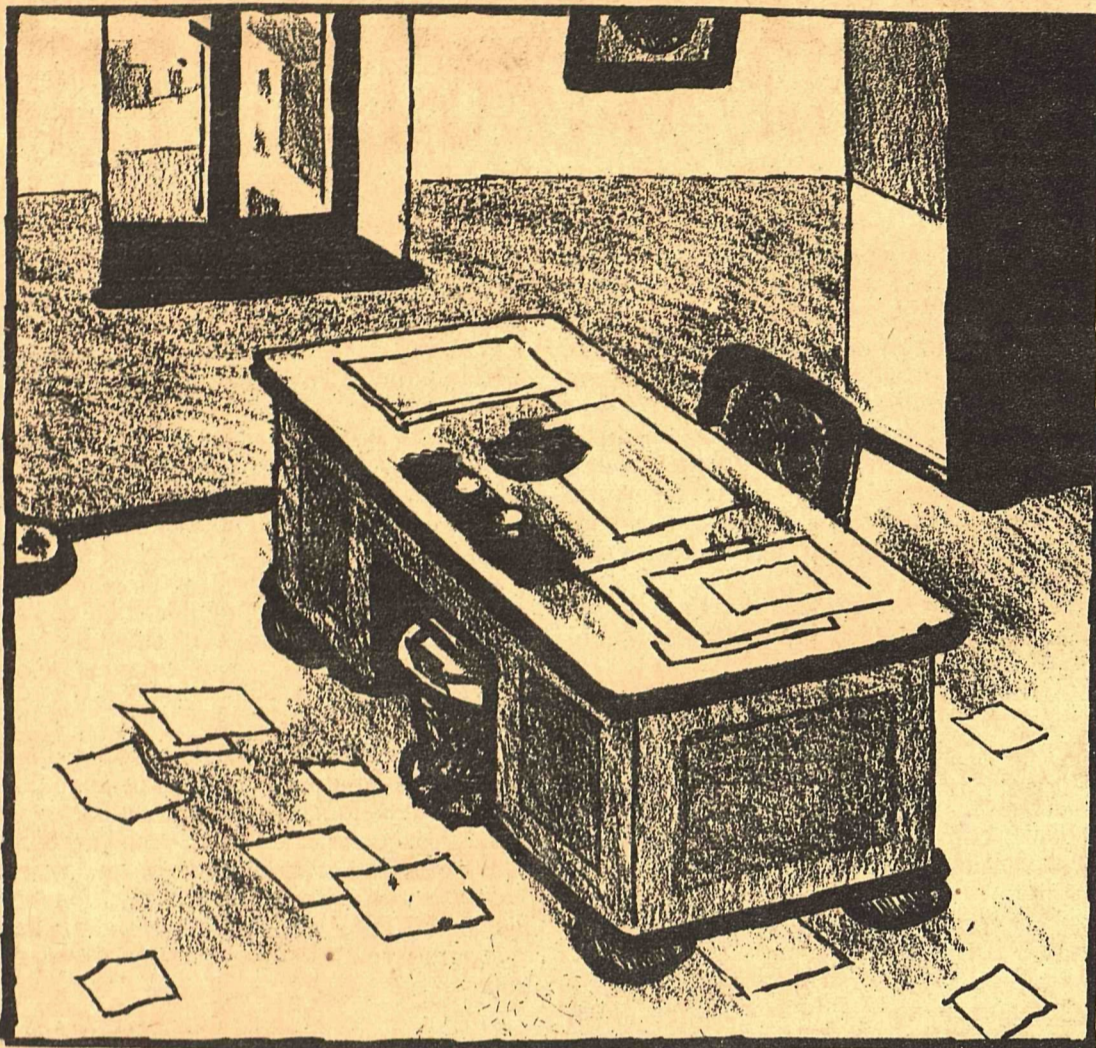
17. Каждый член союза обязан в установленные сроки внести профуполномоченному членский взнос и иные виды отчислений с заработка, взамен чего имеет право получить соответствующую отметку в членском билете.

РАЗДЕЛ VII.

О взимании взносов и отчислений.

18. В целях упрощения обязанностей члена союза, а также в интересах неукоснительного их выполнения, членские взносы и отчисления надлежит производить в принудительном порядке удержания по ведомостям при выдаче зарплаты.

19. Отчисления и взносы, в общей их сумме, не должны превышать 100 проц. зарплаты, причитающейся члену союза, ибо, в противном случае, может создаваться систематическая задолженность союзу.

Где ревизионная комиссия?

(Разгадку см. на 11 странице).

РАЗДЕЛ VIII.

О работе ревизионных комиссий и порядке производства растрат.

20. Работа ревизионных комиссий при фабзавместкомах стоит в тесной связи с производством растрат и начинается лишь с момента обнаружения последних кем-либо или же после добровольного сознания растратчика.

21. Во избежание загрузки ревизионных комиссий излишней и мелочной работой, дело производства растрат должно быть сосредоточиваемо, по возможности, в руках одного лица, каковому вменяется в обязанность вести точную запись растрачиваемых им сумм и держать в надлежащем порядке отчетность по растратам.

ЗАПИСКИ ПРОФСОЮЗНОГО БИЛЕТА.

О том, как я был отпечатан на свет, ничего рассказать не могу. Смутно помню и то время, когда в обществе таких же, как я, соседей, пахнувший краской, стоял я на одной из полок громадного шкафа в громадном зале. Память начинает мне служить с момента моего крещения, — когда меня вынули из тесного ряда на полке, положили на стол так, что солнце ударило мне в обложку, раскрыли на первой странице и произвели обряд. Какой-то бородатый вписал в меня несколько каракуль и имя — Иван Аполлоныч Геростратов. Так звали моего владельца, в руки которого я тогда попал, — человека среднего роста, белобрысенького. «Помните о достоинстве члена профсоюза», — сказал с улыбкой бородатый. Мой владелец поклонился и, вынув бумажничек, тщательно меня запертал

в полный мрак и тесноту. Тогда впервые я познакомился с жилищным кризисом.

Но это состояние продолжалось недолго. Скоро я получил вполне просторное помещение в портфеле Ивана Аполлоныча. Там, в обществе разных циркуляров, брошюр и порою денег, я научился теоретически разрешать многие жизненные вопросы.

Это был самый счастливый и спокойный период в моей жизни.

Но, увы, не долго продолжались эти счастливые дни! В портфеле все больше стало появляться денег, все меньше циркуляров и брошюр. Частенько и меня Иван Аполлоныч оставлял по несколько дней скучать в своей комнате.

И вот однажды началось это самое. Иван Аполлоныч в сумерки возвратился домой, запер дверь, вынул из портфеля много денег, пересчитал, запрятал в бумажничек, захватил меня, и мы куда-то поехали. Когда Иван Аполлоныч рассчитывался с извозчиком, я уголком обложки заметил ярко освещенный красивый дом с надписью: «Казино». Потом долго сидел Иван Аполлоныч за большим зеленым продолговатым столом, вокруг которого сидело много других людей. Наконец, обшарив дрожащими руками бумажничек и карманы, Иван Аполлоныч встал.

Спускаясь по лестнице, он на каждой ступеньке приговаривал:

«До копейки, до копейки, до копейки».

Обратно мы шли пешком. Рассветало. Я страшно размяк от утренней сырости. Долго блуждал Иван Аполлоныч по улице. Наконец, он, очевидно, что-то ре-

шил: шаги его стали тверже. Уверенно поднялся он по какой-то лестнице и извлек меня в неизвестном мне учреждении перед каким-то высоким, строгим человеком с блестящими пуговицами.

— Что у вас? — буркнул он.

— 2572 рубля. Проиграл. Членские взносы, — тихо сказал Иван Аполлоныч. Человек с блестящими пуговицами покачал головой...

Не знаю, сколько времени я пролежал в кармане Ивана Аполлоныча в обществе платка, ключа и двух пуговиц. Наконец, наступил тот день, который является последним днем моих воспоминаний. С утра предприняли мы с Иваном Аполлонычем длинное путешествие, во время которого я услышал в первый раз слово «суд».

Мы пришли. В большой комнате сидело на скамьях много людей. Поодаль, за столом, крытым красной скатертью, сидели трое. Над ними портреты — и тишина страшная. Иван Аполлоныч сильно мял меня в своей потной руке, причиняя мне сильные мучения.

— Член какого профсоюза? — спросил один из троих.

Иван Аполлоныч сделал два шага и положил меня на скатерть в развернутом виде. Тут я понял все, не выдержал позора, захлопнулся и упал на пол.

Очнулся я в той же зале, откуда начал свою бурную жизнь. Теперь стоял я на другой полке, напротив денежного шкафа. Меня окружало общество таких же потрепанных жизнью соседей, как и я. С завистью смотрели мы на стройные ряды еще не начавших жизни билетов, предчувствуя, что их молодость протекает спокойнее.

Блеф.

ИНСТРУКТИВНЫЕ ИЗРЕЧЕНИЯ.

(К сведению и руководству).

Когда идешь на собрание, помни главное: расписаться.

Профработник существенно отличается от чиновника отсутствием формы.

Во время оживления легко потерять должность.

Ежели профработник не подлежит ответственности, то он называется ответственным.

Оглашение списка на общем собрании называется выборами.

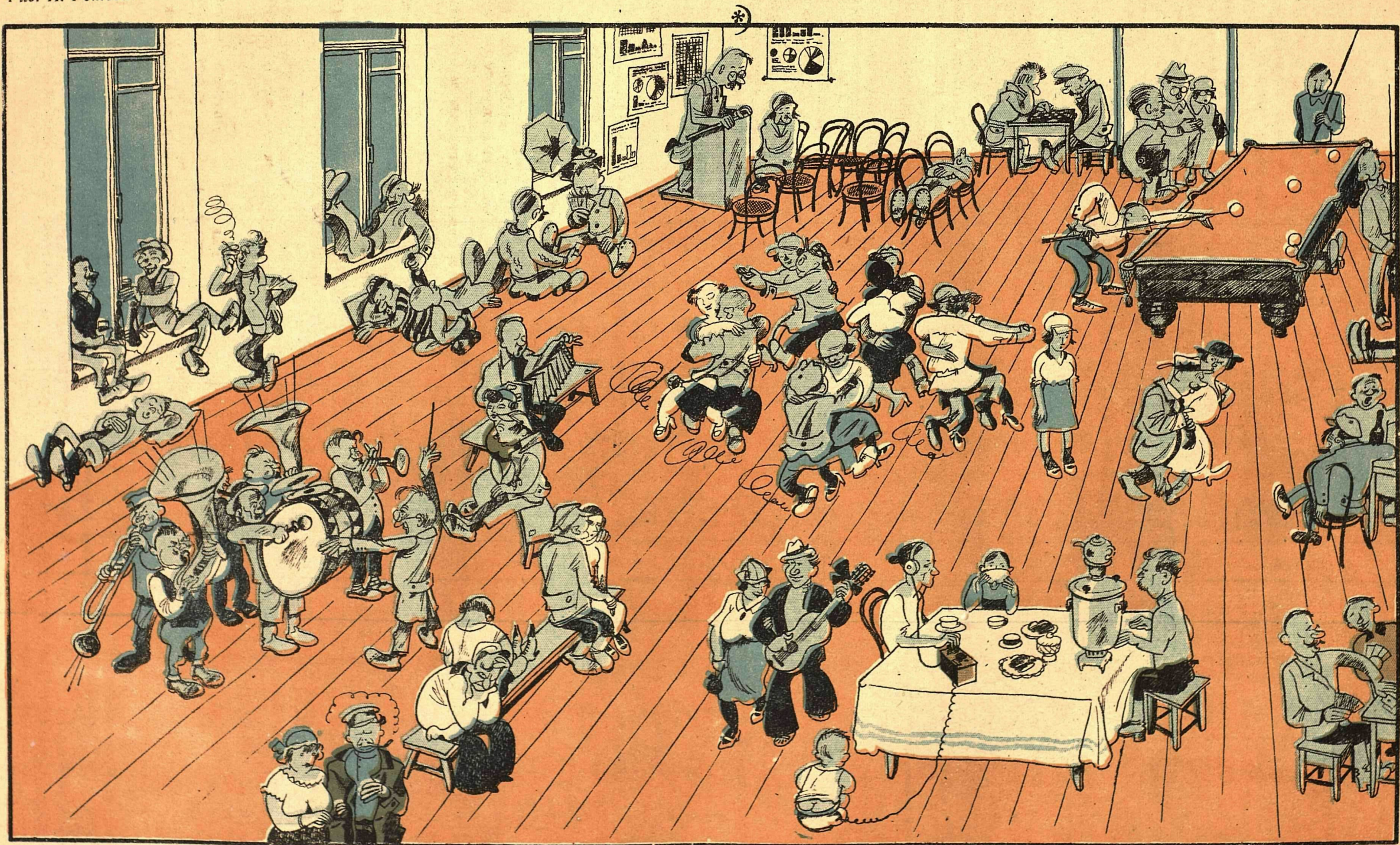
Совсем неудивительно, что у нас много профбюрократов, — ведь и профбюро много!

Если принять резолюцию, составить протокол и выписку, — дело сделано.

Резолюция «принять к сведению» — приятна.

Кто критикует, тому надоело быть членом профсоюза.

Чтобы не было недоразумений, отчисления не должны превышать зарплаты.

22. Памятуя, что тарифно-экономическая работа, со включением в нее производственной, отнюдь не является доступной пониманию широких масс, надлежит проводить ее негласно, привлекая массы лишь в тех отдельных случаях, когда это необходимо для голосования.

23. Привлечение и оживление масс, желательные, в частности при производственных совещаниях, легко достигаются путем включения в программу совещания духового оркестра, радио-концерта и подачи пива с закусками. При соблюдении этих условий, оживление

происходит независимо от содержания доклада, прения же становятся излишними.

24. В целях широкого вовлечения женщин работниц в производственные интересы, надлежит окружать их на произв. совещаниях уютом и снабжать принадлежностями домашнего обихода а равно предметами ухода за детьми.

В целях такового же вовлечения молодежи, необходимо предоставлять ей на совещаниях обширный выбор разумных развлечений, а также достаточный простор для них.

*) Звездочкой отмечен докладчик. Иначе оживленное производственное совещание может его не заметить.

ВЫМЕРШЕЕ ПЛЕМЯ.

(Почти-исторический случай).

Во время оживления профсоюзов фракция фабзавкома обнаружила в архивной пыли бранные останки какого-то человека.

— А человек-то ведь профсоюзный...—сказал, грустно вздохнув, секретарь фракции.— Ишь, ручки сложил, а в ручках протокол собрания держит: до чего ж умильно! Оживить бы его, товарищи?..

— Где ж уж тут оживить!—усомнился один из товарищей.— Никакого дыхания в ем: кожа, кости да протокол... Но другой забузил:

— Силами одних коммунистов, конечное дело, не управиться, а надо беспартийную массу привлечь! Кличь сюды беспартийных, ребята! Эй, который там есть актив!..

— Что за повестка дня? Какой такой случился текущий момент?—зашумел беспартийный актив.— Неужто растрата?!

При слове «растрата» останки профсоюзного человека вздрогнули и шевельнулись. По протоколу пробежал легкий трепет.

— Признак жизни подал!..— обрадовалась фракция.— Товарищи беспартийные, оживить вон этого надо!.. Ну-ка, общими силами...

— Навались, ребята!..— дружно отозвался беспартийный актив.— Заходи с этого боку! Искусственное дыхание ему!..

— Под голову-то, под голову-то сверток циркуляров подложь!.. Подложь циркуляры-то под голову!..

— Первое дело—около носу паленой инструкцией покурить!..

— Выписку из протокола скрути да щекоти ею подмышками-то!..

Профсоюзный человек испустил вздох, чихнул, сел, раскрыл глаза и пробормотал:

— Слушали... постановили... Принимается...

— В сознательность вошел!..— зашумела масса.— Сейчас оживится, в общем и целом. Ты кто такой?

Профсоюзный человек сказал:

— Членом ревизионной комиссии был. Другие вопросы имеются?..

— Ишь ты, какой!.. Это что ж оно означает— член ревизионной комиссии?

— Которая, вообще, ревизует,— сказал человек.— Очень важная общественная, выборная должность.

— На предмет, стало быть, растраты?.. Так. А обмер-то ты с чего же?

Человек вздохнул:

— Жизнь-то наша!.. Остальные и вовсе вымерли.

— Какие-такие остальные?

— Члены ревизкомиссий. Нас ведь, товарищи, много было на свете. При каждом фабзавместкоме нас по три, а то и по пяти человек, бывалыча, выбирали... Ну, только вымерли все.

— Скажи на милость!..

— То-то ж и есть. Вымерли, потому что вроде как беспризорные были: никакого ниоткуда внимания к нам... Податься некуда, делать нечего,— болтаемся, болтаемся без толку, без призору... Сохли-сохли, вяли-вяли, да и того... Эх!..

Речь человека перешла в невнятное бормотанье... Человек поник головой, тихо пискнул и свалился на бок!

Никита Крышкин.

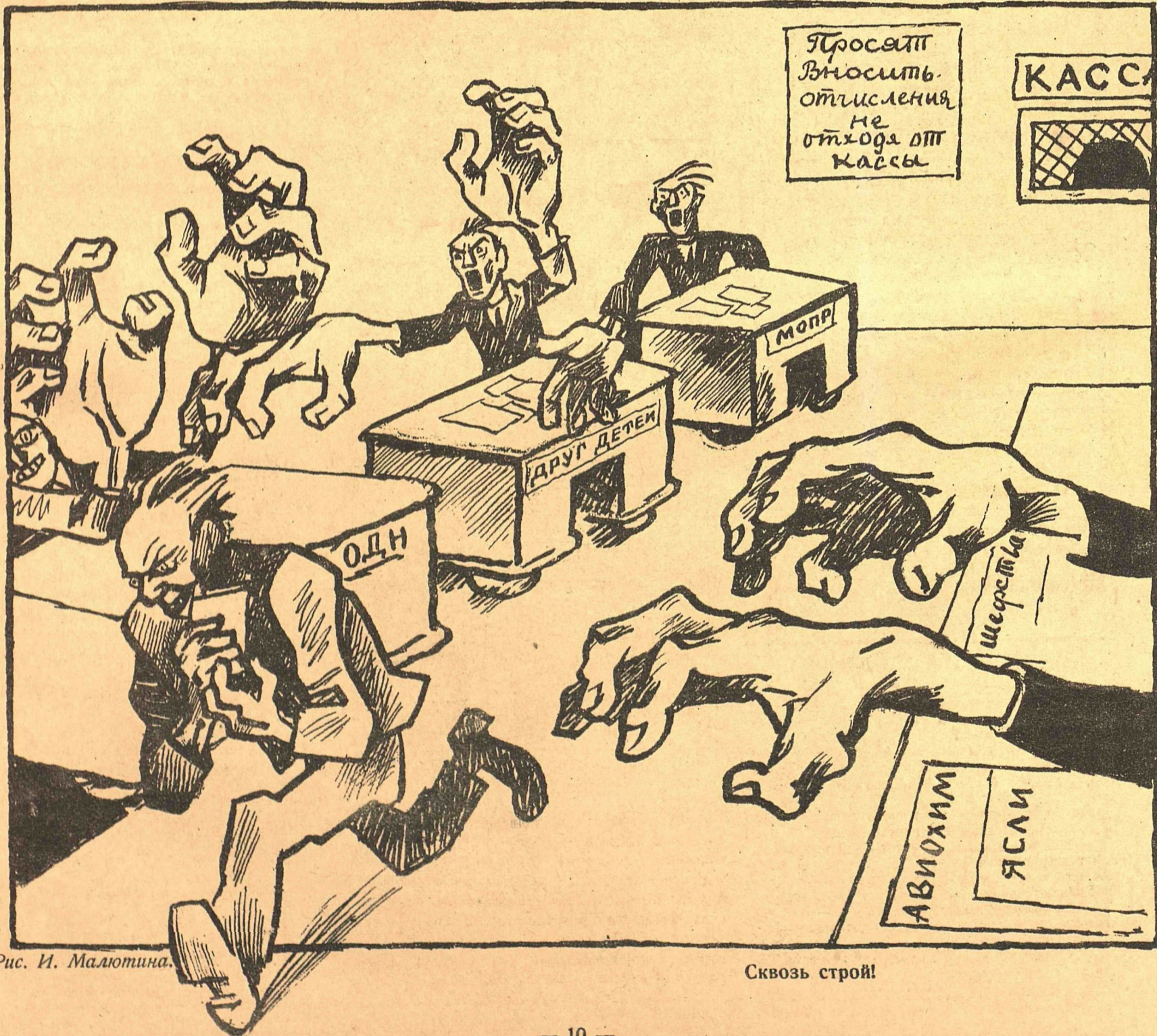

Рис. И. Малютина.

Сквозь строй!

РАЗДЕЛ X.

О так называемой культработе.

25. Принимая во внимание, что так называемая культработа может отвлекать рабочих и служащих от их прямых обязанностей и от выполнения сверхурочных работ, таковую надлежит вести в возможно меньшем масштабе и только за счет добровольных отчислений с заработка членов союза.

26. Устанавливаемые по колдоговорам отчисления в культфонд союза с предприятий и учреждений должны быть расходуются, в первую очередь, на содержание аппаратов губотделов.

27. Работа профессиональных клубов должна быть поставлена таким образом, чтобы участие (хотя бы даже пассивное) в ней требовало от членов клуба выдержки, терпения, известного самопожертвования и умения стойко переносить неприятности. Уклон работы в сторону каких бы то ни было развлечений совершенно недопустим, ибо при этом условии она легко утрачивает свое дисциплинирующее значение.

28. Может быть допущено лишь одно применение развлекательных видов культработы: как средство к оживлению общих и в экстренных случаях делегатских собраний. В этих видах повестка дня собрания сочетается с наиболее содержательными выступлениями работников сцены и эстрады, о чем объявляется по образцу прилагаемой к сей инструкции афиши. (См. афишу).

ПРИЛОЖЕНИЕ К ИНСТРУКЦИИ.

Ново! Ново! Ново!

Спешите завтра на общее собрание! Лучшие артистические силы исполнят следующую повестку дня:

1. Международное положение — баритон Куделько-Махалов.
2. О работе в деревне — эквилибристы Сашен и Трике.
3. О вовлечении женщин — тяжелый атлет Ваня Иртышев будет гнуть рельсы и пр.
4. О кооперации — исполнит романсы Катя Анаасова. — «Отойди, не гляди», «Не смотри так с тоской», «Усушил мою грудь и утек» и друг.
5. О профдвижении — виртуоз П. Моаленко на барабане — мелодии, песни, марши.

Весело. Уютно. Лозунги. Буфет. Герои труда.

В заключение: танцы, заключение колдоговора, легучая почта и текущие дела.

О ЦЕННОСТИ ДЕНЕГ.

Греческий мудрец Синдетикон (II век до р. х.) занимался однажды со своими учениками. Один из них, по имени Герастрат (не безумец), спросил Синдетикона:

— Все ли драхмы имеют одинаковую ценность?

— Нет, — отвечивал ответственный наставник, — драхмы бывают неодинаковой ценности. Дай мне две монеты...

Герастрат достал из кожаного мешка две монеты, каждая по драхме, и передал учителю.

— Вот эта драхма, — указал Синдетикон, — действительно, для Герастрата есть драхма, а вот эта для него не дороже глиняного черепка.

Ученики удивились, а Герастрат воскликнул:

— Ты прав, учитель! Первая драхма — моя собственная, а вторая получена в уплату членского взноса нашей организации.

И в этот же вечер Герастрат растратил эту драхму и много других.

Рис. А. Радакова.

Изображенные здесь сцены являют собой вредный уклон, наблюдаемый в профработе, под общим названием культработы. С этим явлением надо всемерно бороться, как с разлагающим сознание и быт членов профсоюзов. Так называемая физкультура приводит к нарушению правил приличия, ибо требует оголения тела; кино портит зрение; экскурсии в музеи заражают сознание трудящихся идеями буржуазного разложения, и т. д.

ВРЕДНОЕ ПОСТАНОВЛЕНИЕ.

ЦК металлистов принял постановление, предлагающее местным организациям отказаться от торжественной стороны собраний, употребляя все время на деловое обсуждение вопросов.

Товарищи! Позор! Я протестую!
Поверьте — без приветственных речей,
Без музыки и ламп по тысяче свечей
Работа всякая пойдет впустую.

Чтоб в нос ударить делегатам с мест,
Жалеть не надо средств и украшений, —
Иначе — это будет уж не съезд,
А лишь работа, полная лишений.

Как можно всех собравшихся не снять
Раз десять: сзади, спереди и сбоку?
Как можно резолюцию принять
Без музыки, без пения, с наскоку?!

Нельзя же съезд работой завалить
И кончить все дела живым манером,
Не давши хоть слегка поговорить
Подшефным, скажем, или пионерам!

А разные подарки? Адреса?
А постановки разные в театре?
Нет! То нельзя закончить в три часа,
Что — минимум — рассчитано дня на три.

Торжественную часть никак нельзя отсечь,
Вам скажет то любой завкультотделом,
Свою приветственную — с музыкою — речь
Считает он на съезде первым делом.

И, наконец, примите во внимание вы
(Подумать, так и то все жилы холодеют!),
Что будет с теми... с теми, что — увьи! —
Приветствия одни лишь говорить умеют??

Вас. Лебедев-Кумач.

ПРОФАЗБУКА.

(Для начинающих профбюрократов).

А.

Администратор — это власть.
Актив не может взносы красть.

Б.

Бюро кончается на «крат».
Буза снижает твой оклад.

В.

В анкете истина видна,
Вода докладчику важна.

Д.

Дебатам — время, делу — час.
Доклад о втягиваньи масс.

З.

Завком — не то, что управдел.
Зарплата — взносам не предел.

К.

Культом работает слегка.
Конфликт сдается в эр-ка-ка.

М.

Месткома пред по стажу стар.
Местам потребен циркуляр.

П.

Профделегат — еще не спец.
Повестке дня смотри в конец.

Р.

Ревизий казначей не ждет.
Растраты тоже любят счет.

Ц.

Цустрех не платит выше ста.
Центр инструктирует места.

Примечание: Некоторые буквы азбуки пропущены по причине профмалограмотности составителя.

Засидевшийся.

Разгадка загадки

(стр. 8).

Н Е Т У.

32 14803
Рис. К. Елисеева.

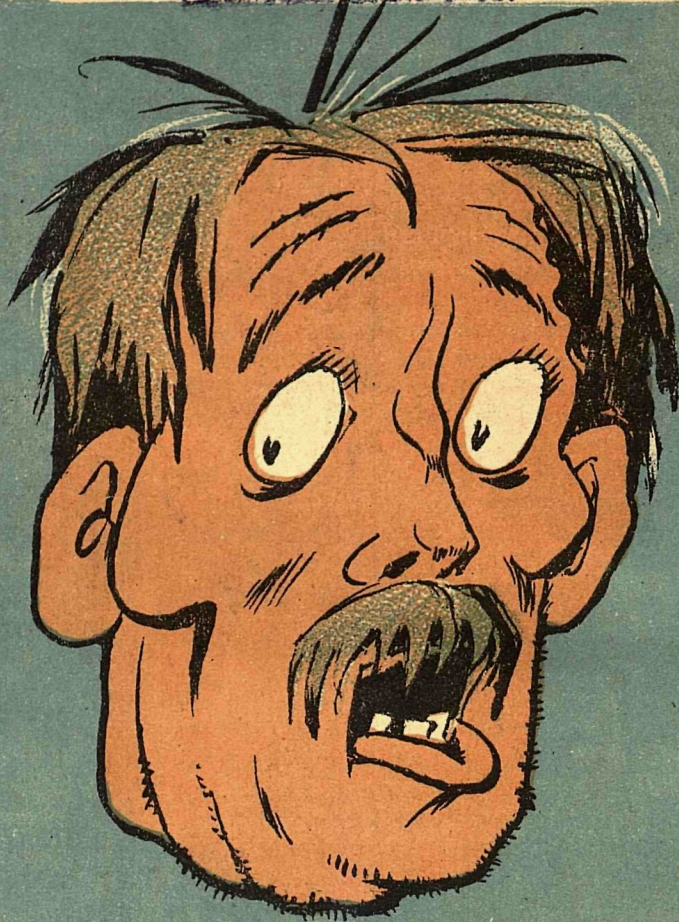
КТО КАК ОТНОСИТСЯ К „ОЖИВЛЕНИЮ“

РОССИЙСКО-ЦЕНТРАЛЬН.
1931 г. № 1
КНИЖНАЯ ПАЛАТА

14803

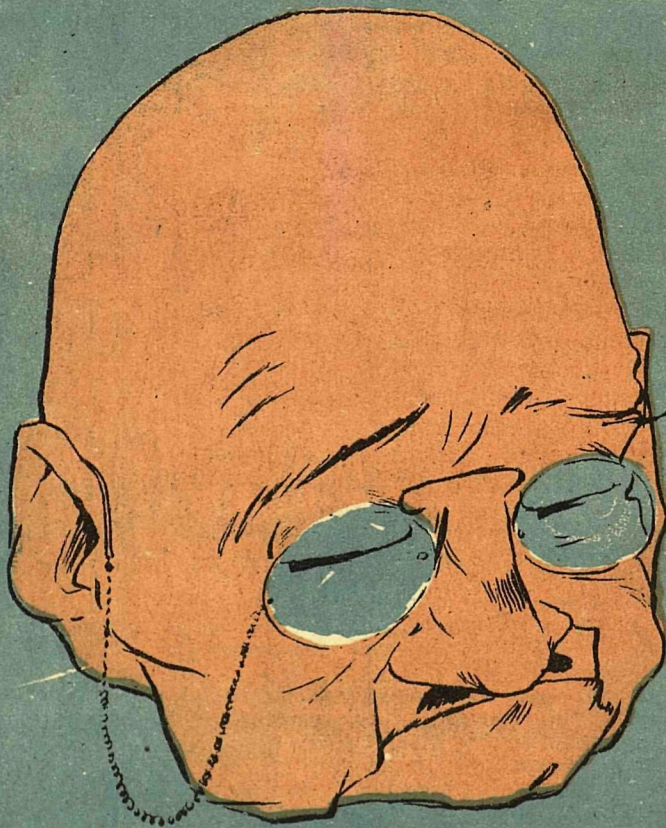
— Так-с... Опять, значит, агиткампания... От работы только отрывают,

Что они делают!? О чем думают!?! Это же опрометчивый шаг!!!

— Знаем мы это „оживление“... Европе глаза замазывать. То-онкая публика!..

— Письмо там какое-то опубликовано... Я, признаться, не рассмотрел. Положил в стол, после прочту как-нибудь.

К. Е.